

Гюк Эварист Режи

**Путешествие через
Монголию в Тибет к столице
Тале-Ламы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г99

Г99 **Гюк Эварист Режи**
Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-Ламы / Гюк Эварист
Режи – М.: Книга по Требованию, 2024. – 332 с.

ISBN 978-5-518-08583-1

ISBN 978-5-518-08583-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

было свободно проповѣдывать Евангеліе самимъ ламамъ и народу. Но уполномоченный китайскаго двора, изъ политическихъ видовъ, считая вреднымъ для страны дѣятельность миссіонеровъ, велѣлъ имъ удалиться, давъ имъ конвой до Макао. Вскорѣ потомъ Гюкъ еще разъ отважился предпринять путешествіе въ Пекинъ; это было его третье странствованіе по Китаю, который, вмѣстѣ съ Монголіею и Тибетомъ, знакомы ему лучше, чѣмъ всякому другому Европейцу.

Неймовѣрныя усилія, которыя Гюкъ дѣлалъ надъ собою во время этихъ путешествій, вредно вліяли на его здоровье и совершенно разстроили его силы. Климатъ Пекина сталъ ему невыносимъ: онъ опять перешелъ на югъ и наконецъ былъ принужденъ вернуться въ Европу, гдѣ акскія минеральныя воды въ Пиренеяхъ поправили его здоровье. Сѣвши въ Макао на французскій паровой корветъ, онъ объѣхалъ берега Конхинины, Тонкина и многихъ Малайскихъ острововъ. Въ Сингапорѣ онъ пересѣлъ на французскій фрегатъ, назначенный къ отплытію въ Индейскій океанъ. Онъ посѣтилъ Пондишери, Магэ, и Бомбай, Цейлонъ и Адэнъ, ѣхалъ Краснымъ моремъ до Суэзскаго перешейка, побылъ въ Каирѣ и Александріи, всходилъ на Кармэлъ и Ливанъ, но, къ большому своему сожалѣнію, не добрался до Иерусалима. На родинѣ онъ написалъ воспоминанія своихъ путешествій, интересныя уже потому, что онъ описываетъ страны, которыя до него еще не были посѣщаемы Европейцами.—Самъ онъ умеръ въ Парижѣ, въ 1860 году.

Одинъ разсказъ, приводимый Гюкомъ въ самой книгѣ, мы помѣщаемъ въ предисловіи.

Когда Ки-Шанъ, уполномоченный китайскаго императора при дворѣ Тале-ламы въ Ла-Ссѣ, узналъ о прибытіи обоихъ христіанскихъ миссіонеровъ, онъ велѣлъ строго пересмотрѣть ихъ багажъ; онъ особенно желалъ убѣдиться, не занимались ли иностранцы во время своего путешествія составленіемъ картъ. При этомъ губернаторъ проживающихъ въ Ла-Ссѣ кашмирскихъ Магометанъ, дружественно расположенный къ Гюку, высказалъ ему слѣдующее: «Въ здѣшней странѣ очень боятся ландкартъ, особенно со времени пребыванія здѣсь англійскаго путешественника Мооркрофта, выдававшего себя за Кашемирца. Онъ жилъ здѣсь 12 лѣтъ, и когда наконецъ уѣхалъ отсюда, то былъ убитъ на пути въ Ладакъ. Въ

IV

вещахъ его нашли много ландкартъ и чертежей, которыя онъ составилъ во время проживанія въ Ла-Ссѣ. Съ тѣхъ поръ китайское правительство очень недовѣрчиво».

Въ другомъ мѣстѣ Гюкъ рассказываетъ: «Однажды губернаторъ Кашемирцевъ привелъ къ намъ одного своего земляка по имени Низамъ, бывшаго долго слугою у Мооркрофта. Онъ много рассказывалъ о своемъ господинѣ и его извѣстія подтверждали то, что мы сами слышали о Мооркрофтѣ. По свѣденіямъ, собраннымъ нами на мѣстѣ, въ тибетской столицѣ, этотъ путешественникъ пріѣхалъ въ Ла-Ссу изъ Ладака въ 1826 г. Онъ держалъ себя какъ Мусульманинъ, и такъ хорошо говорилъ по персидски, что проживавшіе въ Ла-Ссѣ Кашемирцы считали его своимъ землякомъ. Онъ нанималъ въ городѣ домъ, жилъ въ немъ 12 лѣтъ съ нанятымъ имъ въ Ладакѣ слугою Низамомъ, считавшимъ его также Кашемирцемъ. Мооркрофтъ держалъ нѣсколько стадъ козъ и яковъ (особенный родъ быковъ), которые паслись въ долинахъ близъ Ла-Ссы. Подъ предлогомъ наблюденія за стадами, мнимый Мусульманинъ могъ дѣлать поѣздки во внутренность страны, составлять карты и чертежи. Намъ сказывали, что онъ никогда не изучалъ тибетскаго языка и потому не входилъ въ прямыя сношенія съ туземцами. Послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія здѣсь онъ хотѣлъ вернуться въ Ладакъ, но на дорогѣ былъ убитъ разбойниками въ провинціи *Нари*. Тибетское правительство наказало злодѣевъ и перехватило нѣкоторыя изъ его вещей, между которыми найдены были чертежи и ландкарты. Теперь только узнали, что мнимый Кашемирцевъ былъ не кто иной какъ Англичанинъ Мооркрофтъ. Передъ разставаньемъ съ своимъ слугою онъ далъ ему письмо, сказавъ, что если Низаму придется быть въ Калькуттѣ, пусть онъ покажетъ тамъ это письмо—и оно доставитъ ему счастье. Это было, вѣроятно, рекомендательное письмо. Случай съ найденнымъ багажемъ и ландкартами произвелъ въ Тибетъ большую тревогу и Низамъ, боясь преслѣдованія, уничтожилъ письмо. Онъ говорилъ намъ, что оно было писано буквами похожими на наши».

«Описанныя здѣсь событія мы слышали изъ устъ правителя Ла-Ссы, губернатора Кашемирцевъ, Низама и многихъ жителей города. До тѣхъ поръ мы ничего не знали о Мооркрофтѣ и тамъ въ первый разъ слышали объ этомъ англійскомъ путешественникѣ. По

всему этому видно, что Мооркрофтъ дѣйствительно въ 1826 г. прѣхалъ изъ Ладака въ Ла-Суу, жилъ тамъ 12 лѣтъ и на обратномъ пути былъ убитъ разбойниками.

«Другія свѣденія о Мооркрофтѣ однако совершенно противорѣчатъ тѣмъ, которыя мы слышали о немъ въ столицѣ Тибета. Карлъ Риттеръ въ своемъ Описаніи Азіи (Band V. pag. 800. Berlin 1837), говоритъ, что Мооркрофтъ въ 1812 г. предпринялъ 2-хъ мѣсячное путешествіе и потомъ англійско-остъиндейская компанія поручила ему закупить въ Туркестанѣ жеребцовъ, назначенныхъ для коннозаводства въ Индіи. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ второе путешествіе въ 1819 г., и дохавъ до Ладака, остался тамъ 2 года; въ Октябрѣ 1822 г. онъ оставилъ этотъ городъ намѣреваясь ѣхать въ Кашемиръ, но умеръ 25 Августа 1825 г. въ Андко (Andkho или Andkhui), на Западѣ отъ Балка когда онъ былъ уже близокъ отъ цѣли своего давнишняго предпріятія (не изслѣдованнаго до толѣ Бадакшана). Смерть его и мѣсто, гдѣ онъ умеръ, сообщены были его спутникомъ *Трибеккомъ* письмомъ изъ Валка отъ 6 Сентября 1825 г., адресованномъ на имя капитана Вадэ въ Лудіанѣ (Сообщеніе о бумагахъ Мооркрофта см. въ Журналѣ лондонскаго географическаго общества 1834 г., стр. 234).

Сознаемся, что никакъ не можемъ согласовать два столь противуположные другъ другу факты. Если Мооркрофтъ не былъ въ Ла-Суу, чѣмъ объяснить, что его тамъ такъ хорошо знаютъ, такъ точно описываютъ? Что за интересъ могли бы имѣть Тибетанцы при сочиненіи подобныхъ анекдотъ. Если же Мооркрофтъ дѣйствительно жилъ въ Ла-Суу, то какъ же понять письмо Трибекка, который ясно пишетъ, что его спутникъ умеръ въ 1825 г., т. е. приблизительно въ то самое время, когда, по разсказу другихъ, онъ былъ на пути къ тибетской столицѣ? Мы не въ состояніи разъяснить такое противурѣчіе, но разскажемъ фактъ, касающійся насъ самихъ; онъ во многомъ сходенъ съ тѣмъ, что случилось съ Мооркрофтомъ».

«Нѣкоторое время по прибытію въ Макао, въ издающемся въ Калькуттѣ «Bengal Catholik Herald. XII. № 9. p. 120» читали мы слѣдующее: «*Кантонъ*, 12-го Сентября. Французскіе миссіонеры нашего города получали недавно свѣденія, что двое отцевъ ихъ миссіи умерли въ татарской Монголіи печальною смертію.

Три года тому назадъ французскій Лазаристъ Гюкъ пришелъ къ христіанамъ, живущимъ въ долину Черныхъ водъ, на разстояніи 200 миль отъ большой стѣны. Другой Лазаристъ, имя котораго мнѣ неизвѣстно (Габэ), присоединился къ нему; они рѣшили основать миссію между монгольскими Татарами и въ сосѣднихъ храмахъ, у ламъ, изучали монгольскій языкъ. Кажется, ихъ считали иностранными ламами и принимали очень дружелюбно, особенно Буддисты, которые мало образованы, и приняли латинскія молитвы за санскритскія; они не понимаютъ санскритскаго языка, но очень почитаютъ его, такъ въ ихъ церковныхъ книгахъ мѣста, переведенныя съ санскритскаго, напечатаны красными буквами. Когда миссіонеры достаточно ознакомились съ ихъ языкомъ, они отправились во внутренность страны, чтобы проповѣдывать Евангеліе. Съ тѣхъ поръ ходили о нихъ разные слухи и наконецъ, въ истекшемъ Маѣ, дошло изъ Монголіи извѣстіе, что они скончались мученическою смертью, привязанные къ лошадинымъ хвостамъ; причины этого еще не извѣстны».

«Въ то время, когда такъ положительно разглашали нашу кончину, мы были близко отъ цѣли нашего путешествія, находились уже недалеко отъ Кантона и лично могли разуверить всѣхъ въ ложныхъ слухахъ. Но еслибъ мы погибли гдѣ нибудь въ тибетскихъ горахъ, то едва ли кто сомнѣвался бы, что мы умерли въ Монголіи, привязанные къ лошадинымъ хвостамъ, и никто бы вѣроятно и не подумалъ, что мы когда-либо посетили столицу Тибета. И случись послѣ какому нибудь Европейцу пріѣхать въ Ла-Су и слышать рассказы о насъ, онъ бы также не могъ разъяснить себѣ противорѣчія тѣхъ рассказовъ съ газетными извѣстіями, какъ и мы въ отношеніи къ Мооркрофту.»

ГЛАВА I.

Французская миссія въ Пекинѣ.—Царство Унютъ. — Приготовленіе къ путешествію. — Татарско-китайская гостиница. — Самладжѣмба. — Сайн-Ула, «добрая гора». — Ночлегъ въ пустынь. — Большой императорскій лѣсъ. — Буддистскіе монументы на вершинахъ горъ. — Топографія царства Гешэктэна; характеръ его жителей. — Золотыя рудники. — Окружности города Толъ-Но-ра.

Въ Пекинѣ французская миссія процвѣтала въ царствованіе первыхъ императоровъ манджурской династіи; но когда съ 1799 года Кіа-Кингъ, пятый изъ этой династіи, началъ преслѣдовать христіанъ, миссіонеровъ прогнали или казнили, и миссія пришла въ совершенный упадокъ. Сильно волнуемая тогда Европа не подала дальнимъ единобѣрцамъ помощи, ихъ совершенно забыли такъ, что французскіе лазаристы, по прибытіи въ Пекинъ, нашли тамъ только весьма ничтожные остатки бывшей миссіи. Многіе христіане искали спасенія отъ преслѣдованія китайскаго правительства по той сторонѣ большой стѣны, въ степяхъ монгольскихъ; они разсѣялись тамъ и сямъ и, съ дозволенія Монголовъ, кое-гдѣ повыстроились, оставшись тамъ на осѣдную жизнь. Не многіе миссіонеры поселились между ними, терпѣніемъ и твердостью не допустили ихъ разъединиться и изъ Монголіи управляли прежнею пекинскою миссіей, предоставивъ ее надзору нѣкоторыхъ китайскихъ лазаристовъ; они не могли возобновить свою дѣятельность въ Пекинѣ въ прежнемъ видѣ потому, что одно ихъ присутствіе подвергло бы большой опасности едва возрождающуюся миссію.

Посѣщая выселившихся китайскихъ христіанъ, мы останавливались въ степяхъ кочующихъ Монголовъ, въ такъ называемой *Джао-Ти* „страи травъ“. Намъ приняли гостепріимно въ шалашахъ этого кочующаго народа, мы ближе узнали его, полюбили и рѣшились проповѣдывать ему Евангеліе. Съ тѣхъ поръ мы съ большимъ рве-

ніемъ начали изучать монгольскій языкъ. — Въ 1842 году учрежденъ апостолическій викаріатъ для Монголіи.

Въ 1844 году прибыли курьеры изъ Си-Ванга, небольшой китайской деревни, лежащей на сѣверѣ отъ большой стѣны, почти въ сугочномъ разстояніи отъ Сюэнь-Гоа-Фу. Въ Си-Вангѣ находится небольшое христіанское селеніе, въ средѣ котораго живетъ апостолическій викарій. Прелатъ предписывалъ намъ предпринять скорѣе большое путешествіе. Нашей задачей было изучить характеръ и нравы Татаръ, и по возможности назначить предѣлы викаріата. Для этой побѣдки намъ нужны были верблюды и мы послали незадолго передъ тѣмъ обращеннаго въ христіанство ламу добыть ихъ въ степяхъ царства Наймана. Между тѣмъ мы занимались сочиненіемъ нѣкоторыхъ монгольскихъ книгъ, — торопясь окончить ихъ до его возвращенія.

Наконецъ окончили мы не большія молитвенныя и учебныя книжки, а нашъ молодой лама все еще не возвращался. Такъ какъ мы его ожидали со дня на день, то мы оставили *долгину черныхъ собакъ*. Гэ-Шуй, рѣшившись ожидать его въ Пи-ли-кей, т. е. въ близко лежащихъ другъ отъ друга оврагахъ, потому что эта мѣстность доставляла намъ больше удобства для приготовленій въ путь. Мы ждали довольно долго; осень проходила, погода становилась холоднѣй, и мы начали опасаться, чтобы зимняя стужа не застала насъ среди монгольскихъ степей. Мы отправили одного изъ нашихъ учениковъ отыскивать молодаго ламу и нашихъ верблюдовъ. Онъ вернулся въ назначенный день, но, къ сожалѣнію, его розыски были безуспѣшны: онъ узналъ только отъ одного Татарина, что лама нѣсколько дней уже былъ на обратномъ пути.

„Какъ это случилось“, сказалъ нашъ посланный, „что я пѣшкомъ прибылъ прежде, тѣмъ онъ на верблюдахъ? Они отправились гораздо ранѣе меня, а я возвратился скорѣе. Почтеннѣйшіе отцы, имѣйте не много терпѣнія и я ручаюсь, что онъ прибѣдетъ съ верблюдами“. Мы прождали еще нѣсколько дней и должны были отправить вновь скорохода, чтобъ узнать точнѣе про нашего ламу.

Между тѣмъ мы все еще находились въ Пи-ли-кейскихъ оврагахъ, татарской странѣ, находящейся въ зависимости отъ Уиотскаго царства. Мы говоримъ царства, потому что глава этого племени имѣетъ титулъ *ванга*, т. е. царя. Страна эта испытала многіе большіе перевороты. Теперешніе жители рассказываютъ, что прежде земля ихъ была обитаема корейскимъ племенемъ, которое, побѣжденное повѣдъ долгихъ войнъ, удалилось на полуостровъ, лежа-

цій между Желтымъ и Японскимъ морями, называемый нынѣ Кореей. Въ тѣхъ частяхъ Монголіи не рѣдко встрѣчаются слѣды большихъ городовъ и развалины замковъ, схожихъ съ европейскими среднихъ вѣковъ. При разрываніи земли попадаются нерѣдко щиты, стрѣлы, земледѣльческія орудія и урны, въ которыхъ иногда находятъ корейскія монеты. Китайцы заняли эту страну только съ половины XVII столѣтія. Тогда еще горы были покрыты лѣсами, на зеленыхъ лугахъ долинъ раскидывались шалаши монгольскихъ пастуховъ. За небольшую подать дозволили они Китайцамъ обрабатывать обширныя свои земли; но мало по малу осѣдлые подвигались впередъ, и Татары наконецъ должны были уступать имъ и переселять стада свои съ одного пастбища на другое. Съ тѣхъ поръ страна приняла другой видъ: Китайцы вырубали лѣса, выжгли луга и земля потеряла свою прежнюю плодородность.

Теперь этотъ край, вдоль и поперекъ, заселенъ Китайцами, которые своею опустошительной системой довели его до безплодія. И климатъ вѣроятно отъ этого сталъ гораздо хуже. Особенно вредно вліять здѣсь засуха, бывающая почти каждую весну. Когда начинаются вѣтры, небо становится сумрачно; буря усиливается со дня на день и страшные ураганы свирѣпствуютъ иногда до наступленія лѣта. Пыль взвивается столбами, наполняя всю атмосферу густымъ туманомъ; мракъ иногда такъ великъ, что въ самый полдень не видно протянутой руки; но за то можно захватить горстью пыль. За этими ураганами слѣдуютъ проливные дожди, такіе, что кажется цѣлая облака обрушилась. Тогда весь край обращается въ океанъ пла, стекающаго съ горъ и уносящаго все, что встрѣчаетъ на пути. Земля скоро высыхаетъ, но жатва пропала; поля покрыты иломъ, изрыты камнями и негодны къ обработыванію. Въ этой несчастной странѣ тоже часто выпадаетъ градъ, такой сильный, что мы видѣли ядра въ 12 фунтовъ вѣсомъ. Въ 1843 году, въ одинъ лѣтній день, поднялась сильная буря, въ воздухѣ слышенъ былъ страшный шумъ, и не далеко отъ дома, гдѣ мы жили, упалъ кусокъ льда величиною съ мельничныи жерновъ. Лѣднику разбили топорами и она растаяла только черезъ три дня. Отъ засухи и наводненія иногда наступаютъ голода, уносящіе много народу. Голодъ, бывший въ 12-й годъ царствованія Императора Тао-Куанга *), т. е. въ 1832 г.,—былъ ужаснѣе

*) Императоръ *Тао-Куангъ*, «блескъ ума», былъ шестымъ изъ династіи Манджуровъ; онъ умеръ въ 1851 г. Наслѣдникомъ его былъ девятнадцатилѣтній сынъ, который царствованіе свое назвалъ *Гіань-фонгъ* „всеобщее блаженство“.

всѣхъ прежнихъ. Китайцы рассказываютъ, что всѣ жители испольены были предчувствіемъ какаго-то страшнаго бѣдствія, но никто не могъ разгадать какое именно. Уже зимою 1831 г. распространились смутные слухи: *У-фу, у киунгъ; Луэ манъ шанъ, ку манъ чуанъ*, т. е. „въ наступающемъ году не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, кровь будетъ течь съ горъ, долины будутъ наполнены костями“. Эти слова были во всѣхъ устахъ, даже дѣти повторяли ихъ въ своихъ играхъ. Люди были въ волненьи и тревогѣ, сами еще не зная почему. Такъ наступилъ 1832 годъ. На весною, ни лѣтомъ не было ни капли дождя, а передъ жатвой выпалъ сильный градъ, уничтожившій всѣ плоды. Настала большая нужда. За небольшое количество ржи отдавали дома, поля, скотину; хлѣбъ продавался почти на вѣсь золота, люди ѣли траву, а когда не находили и той, рыли и ѣли коренья. Такъ исполнилось предвѣщанье! Многіе умирали на горахъ, гдѣ они искали траву; дороги были усыяны трупами; дома опустѣли, цѣлыя деревни повимерли до послѣдней души. На самомъ дѣлѣ не стало ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: ужасный голодь сравнилъ всѣхъ.

Въ этой печальной странѣ ожидали мы скорохода, посланнаго въ царство Найманъ. Онъ не вернулся къ сроку и еще много времени прошло, но ни зама съ верблюдами, ни курьеръ не являлись. Мы доведены были до крайности, не могли долѣе оставаться въ этомъ положеніи и начали думать о другихъ мѣрахъ къ поѣздкѣ. Назначивъ день, мы рѣшили отправиться въ путь, въ сопровожденіи лишь одного христіанина, располагавшаго телѣжкой, до Толонъ-Ноора, отстоявшаго въ 50 миляхъ отъ овраговъ: оттуда, отославъ провожатаго, мы хотѣли продолжать дорогу однѣ. Этотъ планъ встревожилъ всѣхъ христіанъ. Имъ казалось непонятнымъ, какъ двое Европейцевъ рискуютъ предпринять большое путешествіе безъ проводниковъ, въ незнакомой сторонѣ, гдѣ и безъ того не совсѣмъ безопасно. Но мы имѣли основаніе настоять на нашемъ рѣшеніи. Китайцевъ мы не желали имѣть проводниками; мы сочли необходимымъ сбросить тѣ узы, которыми Китай связываетъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Излишняя предусмотрительность или, лучше сказать, робость Китайцевъ могла намъ между Татарами принести лишь однѣ затрудненія.

Въ воскресенье вечеромъ все было готово: утромъ мы хотѣли выѣхать. Мы увязали уже наши маленькіе чемоданы и христіане собрались распрощаться съ нами. Вдругъ, къ удивленію всѣхъ вернулся нашъ посоль; по его печальному лицу видно было, что онъ принесть плохія вѣсти. „Мои духовные отцы“, сказалъ онъ,

„все потеряно и вы ничего не должны ожидать: дѣла плохи. Въ царствѣ Найманъ нѣтъ верблюдовъ для святой церкви. Лама вѣрно убить и я думаю, что злой духъ этому причиною“.

Сомнѣніе и опасеніе дѣйствуютъ на насъ гораздо мучительнѣе, чѣмъ извѣстность неудачи. И эта непріятная вѣсть освободила насъ отъ безъизвѣстности, въ которой мы находились. Мы настаивали на своемъ рѣшеніи и, распростившись съ христіанами, легли спать. На другой день должна была начаться наша кочующая жизнь.

Около полуночи мы вдругъ услышали голоса и какой-то шумъ: вскорѣ за тѣмъ начали стучаться въ нашу дверь. Мы вскочили открыть: передъ нами былъ наконецъ молодой лама съ верблюдами. Обстоятельства перемѣнились — и отъѣздъ отложенъ былъ до вторника. Мы хотѣли бросить тельжку и ѣхать верхомъ совершенно по татарски. Мы опять легли, но не могли заснуть отъ радости думая все, какъ бы намъ лучше устроить свой маленькій караванъ. Но почему не возвращался лама такъ долго? Онъ рассказывалъ утромъ, что на дорогѣ заболѣлъ и долго пролежалъ; по выздоровленіи купилъ верблюдовъ, но одного у него украли и онъ получилъ его обратно только послѣ продолжительной тяжбы.

Въ понедѣльникъ мы дѣлали послѣднія приготовленія: поправили палатку, приготовленную изъ сняго полотна: наши друзья нарѣзали большой запасъ длинныхъ деревянныхъ гвоздей, починили большой мѣдный котелъ и таганъ, свили веревки и починили посуду для верблюдовъ. Во вторникъ утромъ все было готово; оставалось только взнудать верблюдовъ, продѣвъ имъ сквозь ноздри деревянные палочки. Этимъ занялся молодой лама. Бѣдныя животныя страшно кричали при этой мучительной операци. Всѣ христіане сбѣжались около ламы въ кружокъ, желая видѣть, какъ онъ уберетъ и нагрузитъ верблюдовъ; это было для Китайцевъ невиданное зрѣлище.

Когда все было готово, мы отпили чай и пошли въ часовню. Христіане пропѣли прощальный гимнь, мы простились съ ними и отправились въ путь. Самдаджмба, — тибетское имя погонщика нашихъ верблюдовъ—важно сидѣлъ на маленькомъ черномъ лошацкѣ и ѣхалъ впереди; за нимъ шли оба нагруженные нашимъ багажемъ верблюды, потомъ ѣхали мы, оба миссіонера *Гюкэ* и *Габл*: первый на большой верблюжьей самкѣ, другой на лошади.

Мы условились устроить въ нашей наружной жизни все по татарски и сбросить съ себя все китайское. Но эта перемѣна должна

была происходить медленно — особенно потому, что первое время мы находились еще между Китайцами, нравы которых совершенно отличались от татарских. Первый день мы должны были ночевать в гостиницѣ, содержимой старшимъ законоучителемъ въ оврагахъ. Но караванъ нашъ, вопреки нашему ожиданію, сначала медленно подвигался впередъ; ибо мы, какъ новички, не умѣли хорошо ѣздить на верблюдахъ и управлять ими; мы должны были часто останавливаться — поправлять то или другое, и поэтому-то, конечно, мало уѣхали.

Сдѣлавъ около 35 ли *) , мы изъ осѣдой мѣстности прибыли въ „страну травы“ (*Джао-Ти*), т. е. въ необитаемую степь. Отсюда ѣзда пошла быстрее, потому что верблюды, привыкшіе къ степи, идутъ по ней скорее, чѣмъ по обитаемой мѣстности. Скоро мы должны были вскарабкаться на высокую гору; верблюды вознаградили себя за такое усиліе, щипая попадавшуюся по дорогѣ траву. Намъ стояло большого труда гнать ихъ далѣе, такъ, что мы крикомъ перепугали лисицъ, которыя, выбѣжавъ изъ своихъ норъ, убѣгали отъ насъ. Съ вершины крутой горы мы увидѣли глубоко внизу лежащій китайскій постоялый дворъ Янь-па-эйль. Дорога къ нему шла прямая; намъ стояло только держаться теченія небольшихъ ручейковъ, начинавшихся на скатѣ горы и соединявшихся внизу въ красивую рѣку, извивавшуюся кругомъ гостиницы. Хозяинъ ея, или, чтобы выразиться по китайски, интендантъ кассы, привѣтствовалъ насъ.

Тамъ и сямъ въ Монголіи, въ особенности же въ смежной съ Китаемъ полосѣ, встрѣчаются среди степей постоянные дворы, имѣющіе совершенно особенное устройство. Это обыкновенно большой, обнесенный заборомъ четвероугольничекъ, по срединѣ котораго стоитъ домъ вышиною футовъ въ 10, не деревянный, не каменный, а просто землянка. По обѣимъ сторонамъ въ немъ находятся нѣсколько маленькихъ плохихъ комнатъ, остальное составляетъ одну большую залу, которая служитъ кухней, столовой и спальней. Путешественники тотчасъ по прибытіи вводятся въ эту грязную, вонючую, закоптѣвшуюся отъ дыма горницу, гдѣ имъ предлагаютъ *кань*. Это родъ печн, занимающей три четверти залы, около 4 футовъ вышины и съ плоскою поверхностью, которая выстлана рогожею; богатые кладутъ еще на нее шерстяные ковры или мѣха. На перед-

*) 1 ли китайская мѣра разстоянія, равная $\frac{1}{10}$ географической мили.